

Восточную Пруссию готовили к обороне несколько столетий. Здесь каждая из многочисленных рек была рубежом, каждый фольварк — узлом обороны. Каждый дом, сложенный из бутового камня или из кирпича, в метр стены, был дотом. Да и самих железобетонных дотов несколько тысяч.

Черняховский поборол войти в Восточную Пруссию с ходу и понял, что здесь будет особая война, на взгрызание. Мука смертная для энергичного командующего, любящего движение, игру, неожиданные ходы, охват.

А потери... Отвоевав несколько километров на некоторых участках, Черняховский понял, что потери будут огромными. Между тем основные силы были переброшены на Берлинское направление. Черняховский втайне мечтал, что его переведут на какой-нибудь другой фронт. Здесь нужен кто-то другой: вездливый, упорный, однообразный, не принимающий слишком близко к сердцу потери.

Но умом понимал: этот трудный орешек — ему, и никуда не деться. Верховный к нему благоволил, а значит дает самые тяжелые задания. У него появился план блокады. Вместе со 2-м Белорусским ему следовало отсечь Восточную Пруссию от остальной части, выйти к морю в районе Кольберга, Кёзлина, Штольпа (Колобжега, Кошалина, Слупска), к западу от самой укрепленной части, уже в Померании. Затем, раздробив немецкие части у Данцига (Гданьска), блокировать Восточную Пруссию, не давая противнику выдвинуться, перекрыть и морские пути. После падения Берлина тут же сдастся и Кенигсберг.

Так, напомним, случилось с 16-й и 18-й армиями на Курляндском выступе в Латвии. Были сохранены многие тысячи жизней русских солдат. Очень многие. Если учесть, что за каждый фольварк надо отдать как минимум взвод. И это в те дни, когда победа близка!

Черняховский доложил о своих соображениях Сталину. Тот долго и разочарованно смотрел на командующего. Сказал: "Вы хороший генерал, но плохой политик". Он не объяснил смысла своих слов, но Черняховский понял, что отныне с него будут спрашивать еще жестче. Возможно, он попадет в немилость. И это было особенно тяжело, потому что он любил и ценил Сталина. И если мы говорим об отцовских чувствах, то как забыть о сыновних?

Напрашивается, конечно, банальный и соответствующий нынешней моде вывод: столкнулись жестокосердный тиран, не считающийся с потерями, и гуманный военный стратег, привыкший дорожить жизнями.

Это поверхностный подход.

Сталин, как признавали его союзники-соперники, был величайшим геополитиком. Его беспокоила судьба Европы, столь тесно связанная с географией. Восточную Пруссию, бывшую уже многие столетия плацдармом наступления на славянский мир, следовало убрать с карты как немецкую территорию. Это сразу принесло бы спокойствие на старый континент. Но сделать это, не обижая Польши. Не повторять ошибок 1920 и 1939 годов. Сталин хотел видеть рядом дружественную, мощную и большую, по европейским меркам, славянскую страну.

Может быть, так, положив тысячи жизней, он спасет в будущем миллионы.

Осенью 1943 года на встрече глав союзных держав в Тегеране Сталин так и заявил: "Мир будет нужна сильная Польша". Черчилль, который как англичанин благоволил к Польше, хотел отдать этой стране лишь Опельнскую область (на юго-западе, близ границы с Чехословакией). На востоке же руководствоваться линией Керзона.

Сталин же — вот интересно! — хотел для соседней страны гораздо большего. И не только за счет востока Германии, Силезии, Померании и т. д., но даже за счет некоторых уступок со стороны России. Он мог "выторговать" Белосток, часть Галиции, но не стал этого делать.

Но главное — он собирался подарить Польше две трети Восточной Пруссии (что он и сделал), оставив за Россией ту часть, которую мы знаем как Калининградскую область. Этим он хотел связать СССР и Польшу единими интересами. Предстояла Ялтинская конференция (февраль 45-го), которая должна была решить главные территориальные вопросы.

На этой конференции, как напоминает дипломат и переводчик Валентин Бережков, Сталин смело заявил: "У русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи... Для русских вопрос о Польше не только вопрос чести, но и вопрос безопасности. С Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства".

Но Сталин понимал: чтобы распорядиться землями, которые он собирался отдать полякам, их надо завоевать, а не предоставлять в распоряжение союзников. Их надо, извините, полить русской кровью. Тогда все возражения другой стороны будут легко отменены.

Договоренность — это лишь слова, но существует и реально признаваемое право ступившего первым. Таковы реалии политической жизни. Сталину было хорошо известно высказывание Черчилля: "Было бы катастрофой, если бы мы соблюдали все свои соглашения". Кроме того, вождь предвидел всякие возможные неприятные неожиданности. И они случились: смерть Рузвельта, Трумен, атомная бомба.

Забегим вперед: все вышло так, как хотел Сталин. Польша приобрела значительную территорию на западе. Разделенную Восточную Пруссию уже никто не мог присоединить к Германии, он имел бы дело с двумя крепкими хозяевами. Но вот насмешка истории: никто и никогда не сделал для Польши так много, как Сталин, и никого поляки не проклинают так, как Сталина.

Ну да, он сам признался: были грехи. Много. Но он создатель могучей Польши. Новой. Даже Наполеон обещал меньше. Всего лишь обещал, но он любимец поляков. Кумир. Без Сталина Костшин оставался бы Кюстрином, Быдгощ — Бромбергом, Щецин — Штеттинном. Но что делать — историческая справедливость сродни людской. Не тверди.

Отметим вскользь: то же произошло и с Литвой. Сталин "подарил" литовцам Вильнюс с округой, захваченный после I-й мировой Пилсудским, Мемель (Клайпеду) с областью и даже курорт Поланген, который мы хорошо знаем как Палангу. Но назовите литовцам лишь одно имя Сталина... "У, тиран"... Хотя здесь тоже у него были грехи. Но почему надо пользоваться лишь одной чашкой весов?

ВЕРНЕМСЯ к Черняховскому, человеку, который должен был решить "проклятый прусский вопрос".

Его осторожность, кунктаторство казалась Сталину нерешительностью, робостью. В октябре генерал снова должен был повести войска на приступ, но он старался отложить сроки наступления. Требовал больше тяжелой техники, авиации. Верховный раздражался, но многие требования выполнял. Говорил: "Не запугивайте себя противником. Вперед! Дадим вам еще 28-ю армию, чтобы прикрыть фланги".

В октябре 44-го Сталин послал к Черняховскому маршала Василевского. 10 октября, за пять дней до штурма, произошел любопытный случай, о котором написал позже командарм 11-й Кузьма Галицкий.

Маршал, командарм и командующий фронтом отправились для рекогносцировки на передний край. Василевский, как всегда в таких случаях, был в защитного цвета комбинезоне без знаков отличия, а Черняховский в светлой гимнастерке с генеральскими погонами: день выдался теплый.

После осмотра местности и разговоров с фронтовиками Черняховский, "опершись обими руками о края траншеи, легко поднялся и уселся на ее задней стенке". То есть высоко на темном фоне земли.

Противник, углядев командующего, тут же начал сильнейший обстрел из всех видов оружия. Мины шлепались рядом, перепахивая траншею. "Мне и сейчас трудно понять, как нам удалось выбраться", — пишет Галицкий.

Василевский сделал замечание Черняховскому, недоумевая, зачем понадобился этот поступок. Мальчишество, бравада.

И сегодня можно лишь гадать: то ли командующий искал пулю, то ли просто хотел показать перед маршalom свою храбрость. Его ведь упрекали в нерешительности, то есть в трусости. Возможно, Черняховский хотел, чтобы об этом узнал Сталин.

Этот эпизод многое говорит о состоянии генерала — весьма нервном, близком к срыву. Надо сказать, что и "внутренние противники" командующего, почувствовав неладу в его отношениях со Ставкой, начали действовать весьма активно. Как в 1942-м, посыпались жалобы. На неправильную оценку немецких сил. Неумение правильно распределить собственные силы. Наконец, "на неправильное поведение в личной жизни". Даже в весьма спокойной книге Галицкого мы найдем сильные нотки недовольства командующим. Между прочим, Черняховский действительно вначале переоценивал силы немцев, затем, в январе-феврале 45-го недооценил. Но это ошибка, какие и у других встречались часто. Вспомним неожиданное наступление немцев весной 1945 года близ Балатона против маршала Толбухина.

В 37 лет Черняховский понял: "наверху как на юру".

15 октября началось наступление, имевшее целью взятие важных городов — Инстербурга (Черняховска) и Тильзита (Советска), которые представляли важнейшие подступы к Кенигсбергу. Противник, используя развитую сеть дорог и короткие "плечи", умело оперировал резервами. Мощный танковый корпус "Герман Геринг" появлялся то здесь, то там.

За восемь дней штурма удалось выгрызть кусок восточнопрусской земли, но Инстербург и Тильзит остались у немцев. Потери были очень большими. Командующий приказал: закрепляться.

Недовольство Черняховским усилилось. В ноябре Сталин сказал, что берет на себя руководство 2-м и 3-м Белорусскими фронтами, то есть направлением. Все понимали, что речь идет только о Черняховском, руководит Рокоссовским вроде бы ни к чему. Но нельзя обижать молодого командующего.

Сталин позаботился о том, чтобы пополнить войска фронтов и дать достаточно техники. Вволю боеприпасов. Головину октября Черняховский вместе с Коневым, Толбухиным, Рокоссовским встретал в Москве, в Генштабе, за работой. Видел и Сталина, но никто не знает, о чем и как они говорили.

13 января в соответствии с обещанием, данным союзникам (Арденны, помните?), началось наступление двух фронтов. Увы, день выдался туманным, авиация поддержать не могла, да и корректировка огня была затруднена. За два дня оба фронта израсходовали 1500 вагонов боеприпасов, почти 50 эшелонов. Вот как постарался министр вооружений! Это не 41-й!

Если бы не погода, вся оборона немцев была бы сметена. Но значительная часть огня оказалась неприцельным. Правда, Рокоссовский прорвался и пошел, а Черняховскому пришлось вгрызаться, ставить пушки на прямую наводку, заставлять подрывников тащить взрывчатку к дотам.

В эти дни командующий едва не погиб на передовом НП, расположенном на верхнем этаже полуразбитого здания. Об этом пишет полковник-связист Евгений Кояндер.

При подходе к цели у нашего ведущего бомбардировщика произошло ЧП. Когда открылись бомболюки, одна из бомб сорвалась с замка. Следом, как положено, начали бомбетание ведомые. Наблюдатели увидели, что черные точки, увеличиваясь, летят прямо на них, и успели спустить командующего в подвал, благо пользовались они отполированным шестом: среди них оказался изобретатель-пожарник.

Так смерть еще раз пронеслась мимо, когда часть стены рухнула.

...На третий день противник дрогнул, и Черняховский стал вводить войска прорыва, но, как выяснилось, немного поспешил. Знаменитый Тацинский танковый корпус понес большие потери. За каждым холмиком, каждой стеной прятались или "Фердинанды" или фаустники. Все же взяли, наконец, Тильзит и Инстербург. Москва, наконец, салютовала Черняховскому.

Еще через два дня состоялся очередной разговор со Сталиным по ВЧ. Верховный сказал строго и устало (он в то время, по-видимому, перенес небольшой инсульт): "Совершенствуйте методы, тактику, не количеством, а умом надо воевать".

Особенно упорными были бои в Хейлсбергском укрепрайоне к юго-западу от Кенигсберга. Одних бетонных дотов 900! Только через месяц, рассекая УР, пробившись к заливу Фришес-Хафф (ныне Вислинскому), но дальше дело застопорилось. Между тем Черняховский, понадеявшись на технику, обещал выйти к окраинам Кенигсберга 23 февраля, к дню Красной Армии. Или же его "обещали".

Обидно: в эти дни все южные фронты широко и вольно шли по Балканам, в Москве каждый день гремели салюты.

16 февраля к Черняховскому приехала жена, Асенька. Трудно представить более неудачное время для свидания. Но, видимо, "доброжелатели" (не буду называть фамилий, огорчать родственников) убедили Верховного, что это необходимо для поддержания духа и для налаживания личной жизни командующего.

Один из биографов пишет, что Черняховский тут же "подхватил жену на руки и закружился по комнате". Эдакий парубок среди южнорусских садов. В самом деле, что еще делает человек, когда к нему неожиданно (неожиданно!) приезжает жена? Да еще в то время, когда у него каждый час, накануне полной победы, гибнут сотни людей?

Кружится по комнате?..

Через день, после выяснения отношений и семейного мира, командующий выехал на передовую командный пункт. Было это возле Мельзака, небольшого прусского городка, который поляки могли бы назвать в честь Черняховского, но они переименовали его в город Пененжо в честь своего издателя и журналиста, боровшегося с немцами.

Что ж, это теперь их земля.

Мельзак — это еще и транспортный узел, развязка местных дорог чуть севернее автострады Кенигсберг — Берлин. Черняховский был в бекеше: дни выдалась холодные, и жена настояла. Иван Данилович всегда легко простужался, несмотря на спартанский образ жизни. Теперь эта пробитая железом бекеша в Музее Вооруженных сил.

ОТОМ, как именно погиб Иван Данилович, пишут и рассказывают по-разному. Е. Кояндер сообщает о минометном обстреле. П. Курочкин и А. Киселев — об артиллерийском осколке, ударившем в грудь.

В грудь — не в спину. Более красиво, более достойно. Мы любим, чтоб красиво. А Шарипов придерживается версии об осколке, ударившем под левую лопатку, и о случайном снаряде.

Между тем у меня записана история, рассказанная одним из воспоминателей, близко знавшим Черняховского и его фронтовую любовь. В этой версии сходятся концы с концами. Снаряд выглядит не совсем случайным.

Машина с командующим и сопровождающими подъехала к раздолбанному снарядами перекрестку на окраине Мельзака. Это место методически обстреливала немецкая дальнебойная пушка. На перекрестке стояла девушка-регулировщица, ожидавшая колонну. Она узнала Черняховского, крикнула: "Товарищ командующий, через сорок секунд будет разрыв!" И сама бросилась в глубокий кювет.

Может быть, Черняховский не хотел бросаться в грязь в своей бекеше. А, может быть, у него было такое настроение, что хотелось — в который раз — рискнуть. Сыграть со смертью в орлянку.

— Поехали! — скомандовал он. — Быстрее!

Они успели пересечь перекресток. Но из-за огромных воронок слишком медленно. Или же пушка выстрелила чуть раньше. Снаряд разорвался сзади, метрах в сорока. Так что действительно — не в грудь, а под левую лопатку ударил кусок металла, пробив перед тем заднюю стенку машины. Еще был легко ранен шофер, а больше никто в машине не пострадал.

Мне так и не удалось выяснить, ехал командующий в "виллисе", или в "дожде", или в трофейном лимузине. Судя по тому, что осколок пробил заднюю стенку, в закрытой машине.

С трудом вытащили командующего, сняли бекешу, разрезали китель. Ушло два перевязочных пакета, а кровь не останавливалась.

Потом выяснилось: осколок разорвал аорту. Черняховский истекал кровью.

— Душа-Алеша, — сказал он порученцу Комарову, называя его так, как любил называть. — Я умираю.

Эх, если бы сразу на современный операционный стол, да к Лео Бокерия, в Кардиологический...

Если бы Пушкину — да современную хирургию...

Вот так складывается судьба гениев, умирающих молодыми. Потом мы виним ствол Дантеса или ствол Мартынова. Или ствол крупновской пушки. Втайне сознавая: они хотели смерти, хотя не хотели умирать. Так бывает. В трагические, трудные минуты жизни.

...Василевский узнал о гибели Черняховского в Большом театре, перед отъездом на фронт. Сталин сказал ему: "Отдохните, сходите с семьей в Большой театр". Не дослушав арию Ленского, Василевский поехал к Верховному. Тот был подавлен. Ведь только что был подписан Указ о маршальском звании.

Сталин хотел поддержать любимца, он был привязан к нему.

Жуков пишет в своих воспоминаниях, что в начале марта, вскоре после гибели Черняховского, у него состоялся весьма грустный разговор со Сталиным о сыне Якове. Верховный знал, что немцы казнят Якова. Его тяготило открывающееся перед ним одиночество, отсутствие близкого, родного человека рядом.

Что ж, судьба истинно великих.

Похороны маршала Черняховского состоялись 20 февраля в Инстербурге, который был отвоеван с таким трудом. Затем прах перевезли в освобожденную полководцем столицу Литвы. Москва отозвала траурным салютом: 24 залпа из 120 орудий.

Кенигсберг взяли только в апреле, фронтом командовал сам Василевский.

Через пять лет скульптор Николай Томский поставит в Вильнюсе памятник — довольно тяжеловесную и мрачно величественную фигуру, напоминающую о плоскостопии, которым страдал маршал и из-за которого его не хотели брать в армию.

В Москве останется безутешная семья, которую он, знаящий полное сиротство, так искренне и крепко любил.

И останется никому не известная леди Гамильтон.

...А памятник маршалу литовцы демонтируют в 1991-м. К счастью, воронежцы перевезут его к себе: именно здесь, в верховьях Дона, полководец праздновал свою первую крупную победу.